

ЗАПОВЕДНЫЕ ЦЕННОСТИ САРЬАРКИ

Юрий ПОПОВ, краевед

(Продолжение. Начало
в №№ 142, 145, 146, 148,
150, 152)

В.В. Кантерёв в двадцатые годы занял поисками новых возможностей живописи с особым образительным языком. В 1926-м и 1928 году он снова в Казахстане, вместе с будущим академиком, ботаником Н.В. Павловым (1893–1971) путешествует по Джунгарскому и Зайлискому Алатау. В апреле 1929 года художник выставляет ряд своих работ в железнодорожном клубе Кызылорды. Отклики репортеров суровы. У Кантерёва «беспомощная живопись с пестрыми, невыразительными пейзажами». На выставку пришел сам автор со смелым оригинальным проектом. Он задумал пересечь с севера на юг весь Казахстан, ориентируясь не на транспортные обжитые пути, а на ключевые трассы степников. Художник заключил договор с Наркомпросом Казахской Республики. За четыре тысячи рублей обязался снять этнографический фильм, подготовить четыреста фотографий и зарисовать 20 характерных для Казахстана пейзажей. Заказ на пейзажные композиции с атрибутами бытовых аульных сцен он получил и от Общества изучения Казахстана.

Решение наркомпросовских чиновников местные художники восприняли ошибочно. В «Советской степи» появляется полная явственности статья. Картины В.В. Кантерёва «отдаются трафаретным шаблоном, не имеют оригинальности, в них не пахнет Казахстаном и его просторами». Корреспондент С. Глинский задает вопрос: до каких пор свои молодые рисовальщи не будут иметь такой поддержки?

Контрасты исторических эпох и культур В.В. Кантерёв познал и прочувствовал уже в Петропавловке. Отсюда через Акмолинск, Караганду, Каркаралинск, Семипалатинск и Южно-Прибалхашье он вышел к Туркестану, преодолев более трех тысяч километров. В Каркаралинске В.В. Кантерёв попал в сложную обстановку. Органы ОГПУ готовились ликвидировать местную церковную общину. Под подозрением были П.П. Бездрыцкий, П.М. Чемаданов, А.Г. Карякин и профессор богословия В.И. Колтыпин. Последний навесил В.В. Кантерёву и передал ему личное письмо от соратника Госплана В.И. Самарина. Профессор не утерпел, давал читать послание друзьям, отчего «московский кинооператор» Кантерёв был взят на заметку чекистами. В последующие годы В.В. Кантерёв участвовал в изучении Памира, Таджикистана и Киргизии.

В.В. Кантерёва, московского художника, скоро стали считать казахстанцем. Живописец представил республике в 1934 году в Москве в Музее восточных культур, а в 1936-м – в помещении Большого театра. Здесь экспонировались также работы А. Кастеева, А. Исмаилова, Ф.

Болкоева, Н. Крутильников, И. Савельева, Х. Ходжикова, А. Хайдарова и других казахстанцев. Постепенно В.В. Кантерёв создал серию типажей «Люди Казахстана». Его картины – в числе первых приобретений Казахской национальной художественной галереи, сделаны в 1935–1936 годы. В августе 1941 года В.В. Кантерёв в эвакуации в Алма-Ате. Активно включился в художественную жизнь республики, выполняя задания Союза художников Казахстана. 26 декабря 1943 года в Алма-Ате открылась первая и вообще единственная прижизненная выставка произведений В.В. Кантерёва. Тогда же он сближается с В.В. Стерлиговым, бывшим узником Караганды, создавшим в 1939 году Карагандинский союз художников.

В 1944 году Кантерёв покидает Казахстан. В Москве «за формализм в искусстве» в 1952-м его исключают из Союза художников. Десяти его работ «как вредные для зрителей» после этого исчезли из разных музеев страны, в том числе и в Казахстане. Среди уцелевших – шедевр «Каркаралинск». Картина на холсте размером 65 на 80 см исполнена маслом. Несколько характерных саманных домиков на склоне холма с идущими за водой женщинами рисуют облик дня.

Ныне работы мастера хранятся в собраниях 15 городов, многочисленных частных коллекциях в России и за рубежом. Возможно, со временем казахстанские патриоты выделят из них зарисовки В.В. Кантерёва за 1929 год. Той же участи заслуживают его этнографический фильм и коллекция фотографий.

КАЗАХСТАНСКИЙ ЭСТОНЕЦ ЯН КАНТЕР

Первого внештатного, а потом и штатного корреспондента акмолинских газет 1920-х годов Яна Самойловича Кантера (1903–1990) я знал лично. Встречался в Караганде. Была и обширная переписка. Я получил более полусотни писем, где дотошно описана жизнь эстонских крестьян села Покорное, немцев села Самаркандского и украинцев из Токаревки. В письмах имена друзей-тамыров принуринской Степи. Я.С. Кантер написал достойный труд о событиях в этом уголке земли с 1906-го по 1930 год. Привожу документы из личного архива Я.С. Кантера, обладателем которых я стал совершенно неожиданно.

Эстонский причал. Краеведческие поиски имеют свойство вечного продолжения. В этом еще раз убедился 10 июня 2009 года. Принимал гостей-эстонцев. Это были: Марика Сарпалуу из Таллина и Петер Луксен из Швеции. Они как-то узнали о моих публикациях про судьбы эстонских переселенцев в Торпецком уезде.

Подарил гостям свой труд «Краснопольские зёрна» и ксерокопиролюбиво опубликовал о строительстве в 1905 году в Торпеце каменного дома для торпецкого приходского пастора. Верующие собирали средства для помощи в возведении дома. Мои посетители стали искать свои имена, родственные связи среди жертвователей. Смотриели Саарва, Saarva, Klassera, Sikk, Taldrika, Pikkoga.

Удивлённые встречей с прошлым, находками фамилий своих земляков, гости спросили, откуда такое увлечение эстонцами?

Пришлось кратко рассказать про Центральные Казахстан, Караганду. Здесь ещё до революции возникло эстонское село Лифляндское, потом Покорное, теперь Баймырза. Заочно, а потом и очно я подружился с одним из первостроителей села. Это был Ян Самойлович Кантер, 1903 г. р. Он был профессиональным журналистом, редактором газеты. Занимал заметные должности в структуре

Я. С. Кантер. Акимола, 1930

организаций по делам религий. В Москве встречался с Патриархом Московским и Всея Руси Алексием I, беседовал с ним. Выяснилось, что патриарх – знаток Казахстана, причём именно родных мест эстонца Яна Кантера. Три года находился в ссылке в маленьком городке Каркаралинске.

Ян Самойлович Кантер в личной беседе говорил мне: — Патриарх, узнав, что я из Казахстана и жил недалеко от Каркаралинска, проявил ко мне большой интерес. Долго беседовали как земляки. Владика достал солидный альбом с фотографиями и нашел каркаралинские снимки и схему города. Всего снимков было около десяти. Они расфигурованы и подписаны: «Дом, где я живу», «Дом, куда я хожу в гости», «Мои хозяева», «Вид Каркаралинска» и другие. Датированы снимки 1924–1925 годами.

Желаю уточнить факт пребывания Патриарха Алексия I в Каркаралинске, я обратился в архив Русской православной церкви, различные Московские духовные ведомства, но ответа, к сожалению, не получил.

Серьёзная Марика к моему рассказу отнеслась очень внимательно. — В Таллине пошушу семью Кантера, которая, как вы утверждаете, жила на улице Калевийа Пыйк.

Ответ из Таллина был очень обстоятельным. Марика выяснила, что Ян Самойлович Кантер скончался 27 октября 1990 года. Ушла из жизни и его дочь Долорес Яновна (1942–2001). В квартире обосновался внук. В эстонском Государственном архиве Марика сумела напущу с личным делом Я.С. Кантера. Сняла копии. И вот вижу, что с 1961-го по 1966 год он – уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Эстонской ССР. С 1966-го по 1970 год – заместитель уполномоченного Совета по делам религий по Эстонской ССР. Встречи Я.С. Кантера с Патриархами Алексием I и Алексием II достоверны, как и его рассказы.

Автобиография Яна Самойловича Кантера. 14 июня 1961 года. Город Таллин.

Родён я в 1903 году в селе Михайловском Вишневого района Акмолинской области (Казахская ССР). Примерно через 3 года родители вместе с другими эстонцами переехали в южную часть Акмолинского уезда, в село Покорное (сейчас Тельманский район Карагандинской области Казахской ССР). В этом эстонском селе я вырос и начал работать.

Учиться как следует не пришлось. Когда мне минуло 9 лет, меня вместе с несколькими другими мальчиками из нашего села отправили в соседнее русское село Астаховское учиться (в нашем селе школы не было). Там проучился зиму. Следующую зиму не учился. Осенью 1914 года в нашем селе открыли трёхклассную сельскую школу. В ней я проучился зиму, прошёл к весне второй и третий классы. Осенью 1917 года отец повёз меня в уездный город Акмолинск в высшее начальное училище, где я проучился до весны 1918 года, прошёл первый класс, был переведён во второй класс. Наступила колчакотская реакция и меня больше учиться в город не отправили. Так на первом классе высшего начального училища и закончил учёбу вообще мое образование (это по-нынешнему немного более четырёх классов средней школы). Так и работал, учась у жизни, у партии. И только в 1948 году в Таллине, благодаря работам партии, я поступил в Высшую партийную школу при ЦК КПСС (заочное отделение), успешно окончив её в 1952 году и получив высшее образование.

Зимой 1919–1920 годов колчакотщина была разгромлена. В уезде в январе 1920 года была окончательно восстановлена советская власть. Уездная революционная тройка (Уревройтка) назначила меня секретарём волостного ревкома (наше село было волостным центром). В ревкоме были ещё председатель Август Отто (бывший фельдфебель царской армии, член

РКП(б) с 1920 г., член Акмолинской окружной КК с 1928 г.) и военком волости Ян Керцик. Ревком начал создавать в волости советскую власть. Отсюда и начинается моя самостоятельная работа. До 1925 года жил в середняцком хозяйстве отца, работал физически и в хозяйстве на всех работах (после работы в ревкоме, впоследствии, в перерывах в советской работе). В 1925 году несколько волостей объединили в укрупнённый регион – Промышленную волость с центром в селе Больше-Михайловском (ныне входит в черту города Караганды). Меня вызвали на работу секретарём этого укрупнённого волосткома. С этих пор работаю беспеременно.

С 1923–1924 гг. (точно даты не помню) начал принимать участие в работе печати. Писал заметки сперва в уездную, затем в губернскую и даже центральные газеты («Правда» и «Крестьянская газета»). Был селькором. В начале 1926 года был делегатом уездного съезда Советов (г. Акмолинск) и губернского съезда рабочих и сельских корреспондентов (г. Петропавловск). Затем работал в органах юстиции (народный следователь), окружном земельном управлении, в окружном исполкоме (управляющий делами). В феврале 1930 года перешёл на газетную работу. В Таллине 6 лет 7 месяцев работал в аппарате ЦК Компартии Эстонии в сельскохозяйственном отделе и в отделе пропаганды и агитации. С декабря 1951 года работал заместителем редактора газеты «Советская Эстония». На работу в Эстонию в конце 1944 года был направлен Центральным Комитетом КПСС.

Я. С. Кантер. 1978

Все 40 проработанных лет, наряду с прямыми служебными делами, приходилось принимать по мере сил и умения участие в общественной работе – в профсоюзных организациях и органах, работе КК-РКИ (по чистке советского аппарата), по пропаганде, по отдельным партийным поручениям.

Время с 1920 года (тогда мне было 17 лет, начал работать в волревкоме) и по нынешние дни было насыщено интересными делами, борьбой за дело партии, большими победами партии, страны, советского народа. Я доволен тем, что смог принять во всём этом близкое участие. Эти годы прожиты интересно, и, как мне кажется, моя небольшая работа была нужна партии и была в скромной мере полезна для коммунистического строительства. Конечно, если бы подробнее излагать отдельные события и моменты из автобиографии, то это заняло бы много страниц. Но к чему это?

В партию вступил в годы Великой Отечественной войны, в 1944 году (в 1943 году был принят кандидатом в члены партии). Партийных выисканий не имею.

Моя семья: жена Валентина Старостина – бывший библиотечный и партийный работник, сейчас домохозяйка; дочь Долорес Кантер учится в Педагогическом институте им. Терцана в Ленинграде на первом курсе.

Характеристика на тов. КАНТЕРА Яна Самойловича, 1903 г. рождения, члена КПСС с 1944 г., партбилет № 06960009, образование высшее, работает заместителем редактора республиканской газеты «Советская Эстония».

Тов. Кантер Я.С. имеет сокроватнейший трудовой стаж и большой опыт руководящей организаторской работы в печати и партийном аппарате. С 1945-го по 1951 г. он являлся редактором республиканской газеты «Талураухалект». Затем был выдвинут в аппарат ЦК КП Эстонии, где работал до 1957 года заместителем заведующего отделом сельского хозяйства, заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПЭ.

В декабре 1957 г. тов. Кантер был направлен в порядке укрепления редакции газеты «Советская Эстония» на должность заместителя редактора этой

газеты, где он работает и по настоящее время.

За период работы в республике тов. Кантер проявил себя исполнительным и честным работником, активным общественником. За добросовестный труд он награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалью, почётной грамотой Президиума Верховного Совета Эстонской ССР.

Работая в редакции газеты «Советская Эстония» тов. Кантер часто выступает перед читателями и рабселькорями газеты с докладами, организует массовую работу редакции. Свой журналистский опыт и знания он передает молодым газетным работникам. За активную работу в качестве пропагандиста Таллинский ГК КП Эстонии наградили тов. Кантера почётной грамотой горкома партии.

Тов. Кантер пользуется заслуженным авторитетом как в коллективе, где он работает, так и среди партийного актива республики.

За отделом пропаганды и агитации ЦК КП Эстонии В. Ранне

10 июля 1961 г.

Дополнение автора. Jaan Samuelli f. Kanter (р. 27.2.1903 стар. кал. / 12.3.1903 нов. кал.) лотеранской веры. Родители родом из Койльской волости Веррокского уезда Лифляндской губернии (Kiola vald, Võru maakond, Līvūva kubermang). По данным Омской казенной палаты, родителей прислали к селу Михайловское Харьковской волости Акмолинского уезда 03.09.1897 г. Впоследствии семья жила в селе Лифляндском, по которому омские власти 9 февраля 1908 года приняли постановление: «Ввести сельское общественное управление на участке Шокай с наименованием села Лифляндского с присоединением к Санниковской волости». 27 марта 1914 года Лифляндское было переименовано в Покорное. Ныне возвращён снова Шокай.

Эстонцы внесли в облик приуринской степи только им присущий колорит. Почти в каждом доме был ткацкий станок. Женщины выделывали шерстяные одеяла, вязали кофты, чулки, носки, шарфы. Мужчины занимались обувью. Село разрослось до ста дворов. Появились 3 улицы и несколько казенных колодцев. Лифляндское стало центром Лифляндской волости, объединившей 13 сел.

Ян Кантер рано стал заниматься общественно-полезной работой. Уже в 1920 году он – секретарь волостного революционного комитета Покорной волости. Судьба свела его со многими активистами молодой советской власти. Возле Ростовки, за Нурой, стоял аул Доса Кырбасова, а чуть далее – аул Ахметбека Байсалбаева. С его сыном Султаном Ахметбековым Кантер работал в Байдалаевском волостном комитете с 1922 года. Сотрудничал с И.И. Шнейгельбергом, его женой Анной, Яковом Шлегелем, А.И. Кайзером, И.А. Басенко, Т.Г. Зильбергом. Это были выходцы из села Самаркандского, первые партийные руководители Покорной волости.

Был Ян Самойлович и активным селькором уездной газеты «Маяк степи» и центральной «Крестьянской газеты». В заметке «На укрепление печати» писал: «Отвечая на вызов И.А. Щербача, выписываю «Крестьянскую газету» на два месяца, начиная с первого декабря, и вызываю на соревнование всех крестьянских корреспондентов Промышленной волости». С февраля 1930-го до августа 1931 года он – сотрудник «Новой степи» в Акмолинске. Затем его «забрали» в «Советскую степь», ныне «Казахстанская правда». Материалы газетного труда помещал под своей фамилией или под псевдонимами «Кока», «Ян Шокайский», «Максим Эльвирин». Кстати, «Кока» означало «корреспондент Кантер».

Еще раз отмечу, что Ян Самойлович поделится со мной своим архивом с массой газетных публикаций. Молодой крекдор (крестьянский корреспондент) пристально следил за событиями в Покорном. Вот одна из публикаций: «В селе Покорном Промышленного района ко дню 12 годовщины Великой Октябрьской революции крестьяне приуричили передачу молитвенного дома под школу. Крест снят, а вместо него установлен красный флаг. Сельские призывают всех в районо последовать их примеру». Почин эстонцев был замечен. Крестьяне немецких сел Новая Узенка и Новый Кронштадт отказались от своих молитвенных домов для устройства в них Народных домов.

29 ноября 1929 года выходящая его заметка о сельхозартели «Эдази» и ее председателе Михале Виндиге. 1 мая 1930

Покорное (ныне Шокай), август 1967. Архив А. Н. Абскалова

года помещает воспоминания, как праздновали Первое Мая в селе Покорном до революции. 5 мая 1931 года публикует статью «Как я стал из селькора газетным работником».

По моей просьбе Ян Самойлович составил карту Покорного с перечнем фамилий. Указал, где жили Оскар Сари, А.И. Розман, И.А. Басенко (лекпом), Владимир Тятё (агроном), Я.Д. Телер, П.П. Ребане, И.Я. Мидри, В.А. Керцик, Густав Корон, А. Визнер, П. Андрес и другие. Нарисовал от руки и схему расположения хозяйственных построек на территории эстонской усадьбы. Много информационных заметок Яна Самойловича связаны с Карагандой. 31 августа 1929 года пишет заметку «Дать дорогу железному коню». Четвертого сентября 1930 года снова возвращается к теме строительства железной дороги – «Тревожно гудят рельсы». 30 мая 1931 года предлагает «Дать газету Караганда». Едет на станцию Нурунская, где с наборщиком Тимофеевым Ивановым выпускает многотиражку «Выполнить и перевыполнить».

Сохранился своего рода историческая фотография от 14 октября 1963 года. Епископ Таллинский и Эстонский Алексий (будущий Патриарх Алексий II) принимает греческого писателя Таксиса Константинопольского с супругой. На встрече присутствовует и Я.С. Кантер. Так распорядилось время, что эстонец из Покорного общался с двумя высшими иерархами Русской православной церкви.

В 1992 году я передал в музей г. Темиртау через заведующую фондами А.И. Богдан письма Яна Самойловича Кантера, написанные им с 1975-го по 1990 год. Всего, если считать и открытки, учтено у меня 112 единиц. Про себя я называю краеведческие письма Яна Самойловича энциклопедией села Покорного. От нашего замечательного журналиста остались материалы, способные стать диссертационной работой на тему: «Особенности жизни эстонских крестьян в степях Сарьарки». Надеюсь, что со временем такой план будет взят для исследования учеными.

МИХАИЛ ПРИШВИН: ПАВЛАДОР, БАЯНАУЛ И КАРКАРАЛЫ
Писатель Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954) остаётся единственным представителем так называемого художественного краеведения. В основе произведений – дневники, где прописаны представления о жизни человека и его место в природном мире. Его творчество сводится к внедрению в это многообразие и собственного личного пути по территории «подлинной России». Путевые очерки держат читателя в страстной, порой загадочной неопределенности. Журналист начинает жить как и обитатели новой для него стороны. Откроем очерк «Адам и Ева» в газете «Русские ведомости» и личный дневник за 1909 год. По договору с редакцией «Русских ведомостей» М.М. Пришвин устремляется в Сибирь писать о переселенцах. В дорожном бумажнике «Киргизский край». С 7 по 9 августа он в Омске беседует с чиновником Переселенческого управления, Сибирь большая, но столичный корреспондент с душой охотником стремится в каркаралинскую степь к киргизам. Там высется красивые горы Кызылгату, наступила стала диних баранов – архара. В дикие места стремится попасть и самые отчаянные переселенцы. Намечен маршрут, и путешественник берет билет на пароход «Плещеев». Плавание по Иртышу идет спокойно. За часом спускаются по каюте награждают рассказами о киргизах и переселенцах. Утром 11 августа записывает: «На лугу у берега три киргиза сидят. Два телги. Два вола, подальше верблюд

медленно удаляется в кусты. Стайки уток катятся над водой. Река серая. Песчаная отшель косоюй... Орел на пне огромного дерева – недалеко чайки».

Сто сличим лет назад, 12 августа 1909 года, М.М. Пришвин сложил веши и вышел в Павлодаре. Запис в дневнике: «Павлодар сквозной, желтый песок, ни одного дерева, поднимается ветер и уносит городок в степь. Верблюд с повалившимися горбами. Киргиз в цветных штанах. Спина старого солидного киргиза в сине-зеленом халате с палкой. Плавающая походка возле домов без крыши. Киргизы на лошадях – срослись – древнее. Один приехал на корове. Женщины укрылись халатами, только черные глаза. Киргизские физиономии как спелые дыни».

«13 августа. Переправа через Иртыш. Паром не дошел. Киргизы бросаю скотину в воду, обращение свободное со скотом. Один бросил корову в воду, сел на нее... другой на лошадь... все живо... цветные шаровары и халаты... малахан... на другой стороне степь: юрты, похожие на керосиновые шестерни, дым, скот, идут киргизы... Какая она, степь?... Степь – лицо...»

Пришвин покинул Павлодар на пассажирском тарантасе. Попутчицей стала жена каркаралинского лесничего Л.С.

Садовничего с массой вещей. До первого пикета Калкман, 30 верст. Перо фиксирует луга, мелкий кустарник, коны, зямовки и могилы. Местами косят сено. Степь бывает и другая – голая, желтая, солончакшая. Возле второго пикета Джамаут солонное озеро и малиновая заря. Пустынное озеро блистает, как белая полоска. Ночевка на станции. Рядом юрты киргизов-работчих. Имею 50 рублей в год и содержание. Утром озеро так же пустынно. Дорога волнуется. Линия горизонта как бы приближается волнообразные сопки. Встречаются арбы степников и фуры переселенцев. За ними уходит ввысь синий порог Баянаулского массива: «Солнце между горами и нами, потому горы синие». А рядом белее юрты, словно кули с мукой. Кругом миражи и маревы с обманчивыми сонными озерами. Из названия Баянаул Пришвин извлекает женское имя, с которым и продолжает путешествие по Каркаралинскому уезду. Древнее сказание «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» полно любовной лирики, верностью двух людей: юности Козы и красавицы Баян. Вся степь знала содержание поэмы. Казах гордилсь своими земляками, особенно девушкой Баян. Некоторые географические названия связаны с событиями, описанными в сказании, – горы Тарак (здесь Баян забыла свой гребень), Наршока высотой 1108 м (здесь потерялся верблюд), Каркыра, иначе Каркара (здесь Баян оставила головной убор). Это М.М. Пришвин отметил в дневнике 16 августа.

Через восемь дней в лавке мелкого торговца Л.И. Дебогана писатель слушал вариант сказания от интеллигента, ветеринарного фельдшера Аубакыра Курманова (1862–1916). Мия Баян встречается в записях от 24, 25, 26, 31 августа, 2, 14 и 15 сентября. Для Пришвина Баян становится народным символом любви к родной земле.

2 сентября М.М. Пришвин говорит о замысле написать очерк о Сары-Арке: «Я буду

описывать мое путешествие так: не определяю точно города, местности или называя переведенными с киргизского языка именами. На пароходке мне встретился агент с машинной Зингера, советует ехать в глухой степной городок в горах. Я не мог сразу запомнить его название, в переводе оно значит «Черное перо». Баян, рассказали мне, потеряла в горах черное перо – головной убор, и место в честь ее назвали «Черное перо».

14 сентября Пришвин уточняет, что местность, где Баян оставила гребень, не просто Тарак, а Алтын-Тарак – золотой гребень. 15 сентября у Л.И. Дебогана читает поэму о Баян в журнале «Нива».

В Петербурге 6, 8, 13, 19 октября М.М. Пришвин обрабатывает легенду о любви и вводит ее в свой рассказ. Так появился степной эскиз «У Чертова озера», опубликованный в «Русские ведомости» 25 марта 1910 года.

Заметил М.М. Пришвин в Степи и стремление молодых девушек украшать себя перьями разных птиц, особенно совы, как оберег от порчи. Наряд невесты описан так: она «в алом бархатном платье под золотую стегую, в трехцветных бухарских сапогах из чешуйчатой ослиной кожи, в острой конической шапочке, узганной бирсером и украшенной совинными перышками и темно-зеленым, искусно набранным высичем паром, длинными сетками, кистями и плетешками...» Здесь явное подражание наряду красивой Баян.

Возвращается в Павлодар М.М. Пришвин снова через Баянаул 19 сентября в ауле влиятельного бия Хасена Акеева (1857–1931) в горах Ку он полчает «пропуски» на отбытие. К вечеру попали на гору Кызылкаркаралинского и Павлодарского уездов и аул волостного управителя Дабдылбека Ахьелбекова. «Остановились возле путовой

В. В. Кантерев. Казанка с птицей, 1932

В. В. Кантерев. Каркаралинск. 1931–1933. Холст, масло

(Продолжение следует)